

**О БЫСТРОВЕ Н. М. и НУРОМСКОЙ М. Н.
— Е. П. ПЕШКОВОЙ**

БЫСТРОВ Николай (Антоний) Михайлович, родился в 1858 в Сольвычегодске Архангельской губ. В 1879 — окончил Вологодскую духовную семинарию, служи псаломщиком в Вологодской епархии. В 1882 — рукоположен во иерея, в 1888 — пострижен в мантию с именем Антоний, назначен управляющим Лопотовым Григориево-Пельшемским монастырем Вологодской епархии. С 1889 — настоятель Корнилиево-Комельского монастыря под Вологдой, с 1892 — игумен, в 1906 — в сане архимандрита. С 1907 — настоятель Вологодского Свято-Духова монастыря. 17 января 1910 — хиротонисан во епископа Вельского, викария Вологодской епархии, с 1921 — епископ Архангельский и Холмогорский. Осенью 1922 — арестован, 27 декабря приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в Нарымский край. Осенью 1925 — освобожден и вернулся в Архангельск. В ноябре 1926 — арестован и привлечен к следствию по делу "Союза духовенства и мирян в Архангельске", обвинялся как «руководитель контрреволюционной группы церковников и мирян».

НУРОМСКАЯ Мария Николаевна, родилась в 1882 в селе Степурино Северного края, в семье епископа. Проживала в Вологде, работала медсестрой в больнице. В ноябре 1926 — арестована, отправлена в Архангельск и привлечена к следствию по делу "Союза духовенства и мирян в Архангельске".

В ноябре 1926 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью Николай Нуромский, сын Марии Николаевны (возможно, письмо было написано в кем-то из взрослых).

<21 ноября 1926>

«Екатерине Павловне ПЕШКОВОЙ
Помощь политическим заключенным

Москва Кузнецкий Мост, 16.

К Вам обращается Николай Нуромский, 13 лет, житель города Вологды, с просьбой походатайствовать о моей матери, Марии Николаевны Нуромской, сидящей в Архангельске, в Исправдоме, и о деде Епископа Антонии (Быстрове), проживающем в Архангельске и обязанном подпиской о невыезде впредь до разрешения в административном порядке их дела, производящегося при Архангельском Губернском Отделе ОГПУ и направленном в административном порядке в Москву на утверждение приговора.

Дело это таково.

29 июня 1926 года в № 146 газеты "Правда" появился фельетон Михаила Кольцова под названием "Дух промышленности", обличающий Архангельского обновленческого архиепископа Михаила ТРУБИНА в мошенничестве с контрабандой. После этого во взаимных пререканиях приверженцев "тихоновской" и "живой" церкви в городе Архангельске начали циркулировать слухи, будто бы обновленцам за контрабанду ничего не будет, так как третью часть вырученной от продажи суммы они передали зам<естителю> нач<альника> Архгуботдела ОГПУ Каплану. Этот слух поддерживался тем, что, действительно, по фельетону М. Кольцова никакого преследования обновленческого архиерея не было, а сам слух, откуда начался, неизвестно.

Видя, что Михаила ТРУБИНА за контрабанду не преследуют, некий житель г<орода> Архангельска Аруев, служащий в Рудметалторге,

обратился с анонимными письмами во ВЦИК, в Комиссариаты Юстиции, Внутренних Дел, Рабоче-Крестьянской Инспекции, а также в Архангельский Губисполком, Прокуратуру и РКИ, в каковых письмах он обращал внимание на то, что обновленческого епископа за контрабанду не преследуют, и что по Архангельску ходят слухи, что третью часть прибыли от контрабанды епископа получил Каплан из ОГПУ. Эти письма были препровождены для дознания в Архгуботдел ОГПУ и послужили основанием для дознания об их авторе.

Губотделу ОГПУ удалось дознать, что автором является Аруев, и были арестованы он, Аруев, и Пец, владелец пишущей машинки, на которой печатались письма Аруева властям. При допросе Аруев показал, что он слышал про Каплана от священника А. Нечаева, а тому это рассказал обновленческий священник Чирков. Допрошенный Нечаев этой ссылки не подтвердил (а Чирков, если не ошибаюсь, и вовсе не допрашивался и не вызывался). Когда это было предъявлено Аруеву, то он дал новое показание, что он слышал про епископа Михаила Трубина и про Каплана от моей матери, Марии Николаевны Нуромской. Она летом приезжала в Архангельск к своему отцу, епископу Антонию, на 2 недели и потом выехала в Вологду, кажется, через день или два, вообще, вскоре после выхода фельетона М. Кольцова.

В этом заключается все преступление М. Н. Нуромской. Оно формулировано по 179 ст<атье> УК, но почему-то этому чисто уголовному обвинению придав вид и ход контрреволюционного дела, и несмотря на предъявление ей только этой статьи, она содержится в Архангельске в Исправдоме, ей объявлено, что дело направлено в центр в административном порядке, и что ей грозит административная высылка. При этом, хотя моя мама и больная женщина, но ей более месяца отказывают в медицинской помощи.

Таково дело моей матери М. Н. Нуромской. Оно возникло исключительно на почве вражды <между> "тихоновской" и "обновленческой" церквями. Начато оно и строго ведется, разумеется, потому, что в исходе его заинтересован зам<еститель> нач<альника> Архгуботдела ОГПУ тов<арищ> Каплан, сам участвовавший в допросах М. А. Нуромской и других лиц. Ничего похожего на контрреволюцию в этом деле не имеется, и если даже моя мама, может быть, и говорила в частной беседе с Аруевым, что часть денег от контрабанды получил Каплан, то об этом говорил весь Архангельск, изумлявшийся тому, что контрабандисты остаются безнаказанными, и искавший объяснений для этого непонятного явления.

Одновременно с этим дознанием в Архангельске было начато другое. Некая Поварова, древняя старушка, с дочерью подверглись обыску, при котором у них нашли переписку с Москвой и другими городами на церковные темы, и в том числе послание из Архангельска от группы верующих и духовенства к митрополиту Крутицкому Петру, содержащее протест против заявления или выражения митрополита, что Дух Святой может действовать через Советскую Власть. Это послание или черновик послания был подписан одним только бывшим преподавателем Архангельской семинарии Вл<адимиром> Ив<ановичем> Поповым. Этот документ дал основание для дознания о существовании в Архангельске контрреволюционной группы, ставящей целью помощь международной буржуазии (61 ст<атья> Угол<овного> Кодекса). К этому делу привлечены городские священники Мих<аил> Попов (брат В. И. Попова), З. Калашников, благочинный Архангельских церквей К. Орлов, благочинный Иоанн Серебрянников, свящ<енник> Александр Иванов, Поварова и мирянка Минаева. Вслед затем предъявлено обвинение и моему деду, епископу Архангельскому и Холмогорскому Антонию, сущность обвинения

которого формулирована так, что, будучи главою местного духовенства епархии, он является его руководителем, а, следовательно, он и не мог не знать о существовании "группы духовенства и мирян", если бы таковая существовала, и об ее контрреволюционных замыслах. Между тем, послание от "группы" было составлено в Архангельске, как видно из дознания, в то время, когда епископ Антоний находился в Нарымском крае в ссылке (в 1925 г<оду>), а в Архангельск явился в 1926 году. Несмотря на это, обвинение предъявлено по 61 и 73 ст<атьям> Угол<овного> Код<екса>.

Мой дед — старик очень преклонных (70) лет, больной, и только недавно отбывший 3-летнюю административную высылку в Нарымском крае, откуда он беспрепятственно вернулся в Архангельск к месту прежнего жительства и служения. Политикой он не занимается, и власти, в том числе и представители ОГПУ, относились к нему хорошо, пока не разразилась эта история с фельетоном об епископе Михаиле Трубине. Теперь все эти дела соединены в одно дознание: одним предъявлено обвинение по 61, другим по 73, третьим по 179 ст<атьям> Уг<оловного> Код<екса>, но все идет как контрреволюционное дело и направляется на разрешение в центр.

Излагая вышеизложенное, я очень прошу Вас похлопотать по этому делу, открыть глаза центра на то, что в деле в отношении моей матери М. Н. Нуромской нет решительно ничего контрреволюционного, а по отношению к моему делу, епископу Антонию (Быстрову) нет никаких данных, припутывать его к "группе". Мой адрес: город Вологда, ул<ица> Герцена, д<ом> № 3. Я — ученик 2 ступени Сов<етской> школы Николай Нуромский.

Н. Нуромский.

21/XI-1925 г<ода>»¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:
«Запросить С<екретный> О<тдел>. ЕП. 25/XI-25».

Епископ Антоний (Быстров) вскоре был освобожден под подписку о невыезде. Возведен в сан архиепископа. 23 января 1931 — арестован и привлечен к следствию по групповому делу ссыльных священнослужителей, обвинялся в том, что «покровительствовал и помогал сосланным в Северный край церковникам». 16 июля 1931 — скончался в больнице следственной тюрьмы Архангельска².

Мария Нуромская была приговорена к 5 годам ссылки в Северный край и отправлена в Усть-Цильму. 12 декабря 1932 — арестована по групповому делу ссыльных священнослужителей, 10 мая 1933 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Северный край (Коми)³.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 121. С. 244-245. Машинопись, подпись — автограф.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. — М., «Звенья», изд. 3-е, 2004. За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917-1956. Биографический справочник. — М.: ПСТБИ, 1997. С. 94-95.

³ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. — М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.